

и когнитивным фастфудом. Нарратив вызрел в инфраструктуре связки «память — история» и подчинил ее себе. В результате память вроде есть, но — фантомная, поскольку история тоже вроде есть, но — сфабрикованная и постоянно перезагружаемая (как в зацитированном буквально до дыр оруэлловском романе-пророчестве «1984»).

В то же время нарратив не суверенная самостоятельная инстанция, а инструмент влияния и власти. Этим вводится в игру фактор правового регулирования. Соблазн превратить нарратив выгодный в нарратив титульный — велик, а грань между законодательным увековечением памяти и героизацией, между запретом на отрицание и давлением на свободу слова и публичный формат критического мышления — тонка. Однозначные формализованные критерии здесь вряд ли возможны. Но есть ориентир, вытекающий из того принципиального положения, что «правовые гарантии, скорее, страхуют от будущего с его превратностями, чем кредитуют некоторое более совершенное грядущее состояние».¹ Думаю, остается актуальным отношение к закону не как способу провести тот или иной нарратив «в дамки», а как средству против искусственной гегемонии тех или иных нарративов. Таков рациональный смысл конституционных норм об идеологическом разнообразии и запрете на государственную идеологию. Кого-то они стесняют, но отдаем ли мы себе отчет, какой ящик Пандоры может открыться, если не будет и их?

Ивашевский Станислав Леонидович,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Нижегородской академии МВД России

Память о социальном порядке и порядок социальной памяти

Все мы слышали и (или) произносили такую фразу: «Вот раньше был порядок!». Как бы кто не объяснял ее истоки, устойчивость и мировоззренческую значимость, она прежде всего указывает на наличие в памяти общества представлений о прошлом социальном порядке.

Социальный порядок, понимаемый как состояние жизнеспособности общества на основе социальной интеграции, обеспечиваемой наличием объединяющих, общезначимых идеалов, ценностей, норм и институтов, общественных практик их поддержания, является неотъемлемой целью развития любого общества. Стремление к порядку естественно для человека, но нуждается в образе (модели) желаемого, становление которого опирается на опыт человечества, требует обращения к прошлому.

Социальный порядок, как характеристика состояния общества, фиксирует наличие сложившихся механизмов поддержания устойчивых связей между элементами социальной системы, обеспечивающих взаимное признание логики общественных отношений, их естественности для данного сообщества людей, принятие заданного порядка каждым членом общества в качестве значимого вектора своего жизненного пути.

Порядок в обществе формируется на основе становления единой системы ценностных приоритетов, которые, по природе своей, носят побудительный характер, определяя мысли и поступки людей, формируя ожидаемые в обществе образцы поведения и стремление личности им соответствовать. Нормативный характер ценностей особенно ярко проявляется в морали и праве, выступающими в качестве ведущих средств поддержания социального порядка. В них находят закрепление базовые основания сложившегося или строящегося порядка, основополагающие принципы жизни общества на данном этапе его исторической эволюции.

Сложившийся социальный порядок образует смысловую среду своего существования, которая принимает или отторгает при встрече новые для данной общественной системы явления. Смыслы, операционализируясь, создают верифицируемые символы заданного порядка, определяют его реперные точки. Именно они становятся основаниями для оценки обществом всего происходящего, включая само состояние порядка.

Символический ряд системы социального порядка становится главным в его характеристике и передается как опыт человечества посредством различных институтов социализации. Глубинное

¹ Соловьев Э. Ю. Правовой нигилизм и гуманистический смысл права // Квинтэссенция: Филос. альманах. М.: Политиздат, 1990. С. 188.

знание о прошлом доступно немногим, лишь профессионалам историкам. Большая часть общества (образованного общества) ориентируется лишь в области исторических символов. Этому способствует схематизация в знакомстве с историей, преобладающая на уровне общего образования. Отточенная десятилетиями нашей идеологической и педагогической практикой марксистская интерпретация истории превратилась в застывшую схему последовательной замены форм собственности и антагонистических классов. Цивилизационный подход к истории также трансформировался в общем образовании в совокупность символов актуальных цивилизационных типов (Россия — духовность, коллективизм, иррациональность; Запад — корысть, индивидуализм, рациональность).

В этом ключе действуют и уже традиционные источники массового исторического знания — литература и кинематограф. Они продуцируют вымышленные сюжеты в предзаданных смысловых и символических границах. Сюжет позволяет ярче пережить, прочувствовать эпоху, но растворяется во времени, смыслы же в своих символических формах остаются как ключ к отношениям с прошлым. Символизация мифологизирует прошлое, делая его доступней для коллективной памяти. Как отмечают специалисты, эти процессы имеют важную социализирующую роль, воплощаясь в идеологических, философских и правовых конструкциях, обеспечивая интеграцию общества и связь поколений¹. Но порядок памяти, основанный на мифах, представляется крайне неустойчивым. Он нуждается в укреплении серьезными научными знаниями и правовыми нормами, определяющими сочетание порядка коллективной памяти и общих приоритетов развития государства и всего человечества.

По заданным в сложившихся условиях реперным точкам (основополагающие ценности и нормы) потомки будут судить о прошлом, выделяя (при наличии условий для этого, связанных прежде всего с возможностью объективного анализа) его преимущества и недостатки. Таким образом и память о социальном порядке формируется исходя из передаваемого между поколениями опыта, в виде символических значений эпохи, ее культурных кодов, констант социального порядка ушедших эпох. Различия в вариантах дешифровки культурного кода социального порядка обусловлены, прежде всего, культивированием исторического разлома, противопоставлением настоящего прошедшему, либо поддержанием исторической преемственности, утверждением неразрывности связи времен.

В первом варианте символический ряд прошлого порядка будет идеализироваться (романтизм, благородство, нравственность, имперское величие — для XIX в.; стабильность, правопорядок, патриотизм, справедливость — для советского этапа XX в.) при развитии негативных тенденций в жизни современного социума, либо подвергаться беспощадной критике (бесправие, эксплуатация, неравенство — для XIX в.; тоталитарность, идеологизация, бюрократизация, дефицит — для советского этапа XX в.). Очевидно, что исторический разлом стимулируется актуализацией негативных характеристик эпохи, а историческое единство формируется через гордость за общее прошлое и ответственность в настоящем перед великими предками.

Такой подход к вопросу о порядке социальной памяти позволяет сделать, на наш взгляд, важные выводы из результатов ряда социологических исследований. Так, по данным Фонда «Общественное мнение» 19 % молодых людей нашей страны хотели бы жить в другое время. При этом, выбирают будущее как альтернативу своему времени совсем немногие — 3 %².

Согласно результатам опроса «ВЦИОМ-Спутник», 28 % наших сограждан не исключают жизни при монархии, которая привлекает их наличием порядка и преемственности³.

Другой опрос ВЦИОМ показал, что 40 % респондентов хотели бы видеть себя гражданами современной России, но 37 % — хотели бы вернуться в эпоху Л. И. Брежнева, а 5 % россиян хотели бы жить во времена И. В. Сталина. В советском прошлом этих людей более всего привлекает порядок и стабильность⁴.

В качестве заявленных выводов отметим прежде всего отсутствие устойчивого характера современной социальной памяти, то есть отсутствие ее порядка. При этом значительной представляется

¹ Ломкина И. Б. Мифологизация как способ переживания исторических событий/ Юридические формы переживания истории: практики и пределы: коллективная монография / под ред. С. В. Бочкарева. СПб.: Астерион, 2020. С. 53.

² Опрос молодых о желании жить в другом месте и в другое время (28.09.2016). URL: <https://fom.ru/TSennosti/12875> (дата обращения: 02.11.2021).

³ Монархия для России: сто лет спустя (23.03.2017). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/monarkhiya-dlya-rossii-sto-let-spustya> (дата обращения: 02.11.2021).

⁴ Опрос показал, сколько россиян хотели бы жить в эпоху Сталина (18.04.2019). URL: <https://ria.ru/20190418/1552824590.html> (дата обращения: 02.11.2021).

совокупность людей, противопоставляющих настоящее и прошлое. Стоит, конечно, согласиться с мнением о том, что «ностальгия по СССР — это ностальгия по солидарным общественным отношениям, по обществу без социальных рисков и с высоким уровнем социальных гарантий..., по привлекательным для большинства наших сограждан человеческим качествам»¹. Несовершенство наличных форм общественной жизни и неопределенность, даже боязнь будущего порождает ретропонию, идеализацию прошлого как лучшего, которое можно самостоятельно конструировать путем отбора угодных фактов и отсеивания неугодных. Но отметим, что, во-первых, создание исторических иллюзий и уход таким образом от реальности, отказ от усилий по ее совершенствованию не способствует общественному развитию и, во-вторых, деформирует коллективную память о социальном порядке, лишает ее значимых для понимания и объяснения прошлого элементов, что делает коллективную память уязвимой перед лицом сил, стремящихся к манипуляции общественным сознанием, перед напором политических спекуляций.

Память о социальном порядке упорядочивает историю, ее понимание и оценки, дает видение закономерностей, позволяет выстраивать прогнозы и формировать стратегии поведения. Если эта память нарушена история превращается в хаос, без возможности выполнять свою функцию — быть наставницей жизни. Для полноценного развития общества необходим порядок его социальной памяти, то есть четкость ее структур, принципов, оценок.

Порядок социальной памяти имеет большое значение для всего общества, обеспечивая связь поколений, национально-культурную идентификацию, чувство единства, взаимной ответственности за свои поступки. Разобщенное общество имеет множественную память, порождает различные версии восприятия прошлого, что безмерно его ослабляет, создает реальные угрозы для дальнейшего существования. Понимая эту взаимосвязь, заинтересованные силы проводят целенаправленную политику по разрушению порядка социальной памяти у своих оппонентов. В свою очередь, любое общество, осознавая эту угрозу, передает значительный груз ответственности государственным структурам для принятия политико-правовых мер поддержания порядка социальной памяти как условия сохранения суверенитета, независимости, своей национальной идентичности.

В новейшей истории государств появилась практика мемориального законодательства. В различных странах мира появляются правовые нормы, регламентирующие интерпретацию особо значимых для них исторических событий, запрещающие пропаганду определенных политических идеологий, действий, направленных на реабилитацию преступлений против человечности.

Эта тенденция не обошла стороной и Россию. Так, например, в 2014 году у нас появилась статья 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации «Реабилитация нацизма». Она запрещает «реабилитацию нацизма», а также «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны» и «осквернение символов воинской славы»².

С обновлениями 2020 года Конституция Российской Федерации в статье 67.1 подчеркнула значение общей истории для поддержания единства российского государства, провозгласила государственную защиту «исторической правды», недопущение умаления значения подвига народа при защите Отечества³.

Очевидно, что в условиях обострения политической борьбы за прошлое, мемориальное законодательство будет развиваться. Это вызывает не только надежду на восстановление порядка нашей памяти, но и порождает сомнения в целесообразности решать подобные проблемы правовыми средствами. Так, П. В. Векленко, рассматривая проблему избыточного законотворчества, которое, как считает ученый, наносит ущерб ключевым социальным системам: здравоохранению, науке, образованию, правоохранительной деятельности, отмечает, что «в этот ряд следует поместить и

¹ Андреев А. Л. Российское общество постсоветской эпохи: социальное самочувствие, историческая память, идеалы и ценности // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып.16 / отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2018. С. 329.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22 августа 2021 г.). Статья 354.1. Реабилитация нацизма (введена ФЗ от 5 мая 2014 г. № 128-ФЗ). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/be763c1b6a1402144cabfe17a0e2d602d4bb7598/ (дата обращения: 02.11.2021).

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). Статья 67.1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/95c44edbe33a9a2c1d5b4030c70b6e046060b0e8/ (дата обращения: 02.11.2021).

нормативное «наступление» на свободу личности в выборе убеждений, право самостоятельно изучать и критически оценивать отечественную историю».¹ Стоит согласиться, что избыточность регламентации данной сферы недопустима. Правовая норма мемориальной направленности должна быть действительно необходимой и соразмерной. Но она должна быть. В обеспечении порядка памяти она занимает важное место.

Право в его соотношении с коллективной социально-исторической памятью может играть созидающую роль, закрепляя определенную систему ценностей, регулируя общественные отношения, формируя представления о должном. Право может играть и разрушающую роль в политике памяти. Оно способно запретить какую-либо систему ценностей, разрушить традиции, привычный образ жизни, оторвать людей от «корней», разрушить представления о сложившихся приоритетах общественного развития, заменив их иными.

Возможности влияния права на коллективную память велики и это определяет рост интереса к манипуляциям с памятью посредством нормативно-правового воздействия. Часто это используется для размежевания народа, порождения ненависти и страха. Отметим, что эти манипуляции могут носить и позитивный характер, если направлены на укрепление социального единства, формирование гордости за свою страну и народ.

Коллективная память рождается и существует на обыденном уровне в виде психических реакций, общих переживаний событий прошлого, вненаучных знаний, в формах доступной для общества культуры и на научно-теоретическом, идеологическом уровне, включающем научные знания, политику и право. Коллективно значимое на обыденном уровне закрепляется в традиции, на идеологическом уровне закрепляется в правовой норме. В заданной системе особенности права видятся в том, что оно призвано учитывать все иные формы — и обыденные и научно-теоретические, то есть быть интегрирующей силой.

Значимое в прошлом могут по-разному трактовать различные группы граждан, государственная власть, политические силы и их идеологии. Интегрирующей силой в данном вопросе, основой для социального консенсуса является право. При этом отметим, что право здесь понимается нами не как исключительно инструмент в руках действующей власти, а как форма существования научно-обоснованного, объективного знания о необходимом для общества. Такой подход позволяет выйти на решение дилеммы, существующей в процессе формирования коллективной социально-исторической памяти — что является определяющим: научная объективность или политический интерес? Право призвано закрепить государственный интерес к объективному научному знанию о прошлом, формирующему единство и обеспечивающему безопасность общества, способному силой своей аргументации противостоять любым деструктивным интерпретациям исторических фактов.

Супрунов Александр Германович

кандидат юридических наук, первый заместитель начальника Нижегородской академии МВД России (по учебной работе);

Васильев Вячеслав Вениаминович,

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел Нижегородской академии МВД России

**Развитие исторической памяти в образовательном пространстве вуза МВД России:
методические и аксиологические аспекты**

Прекращение существования Советского Союза как федеративного государства повлекло за собой не только образование пятнадцати самостоятельных государств, но и слом существовавшего десятилетиями единой советской идеологии и единого исторического пространства, объединявшего население 1 / 6 части суши Земли. Каждое новообразованное на постсоветском пространстве

¹ Векленко П. В. Правовое регулирование интерпретации исторических событий: проблема целесообразности / Юридические формы переживания истории: практики и пределы: коллективная монография / под ред. С. В. Бочкарева. СПб.: Астерион, 2020. С. 362.